

КУЛЬТУРА

лит. 205 - 1990 - 25 июля (1990) - с. 8

У ансамбля под управлением Дмитрия Покровского необычайно богатый репертуар, причем не стилизация, но исконный, издревле идущий фольклор — северные русские песни, песни байкальских раскольников, обрядовые календарные представления, народная драма «Король Максимилиан», программа духовной музыки — «Голубиная книга»... Это уникальная творческая лаборатория, пробиравшая брешь в мощной государственно охраняемой стене — отношении к фольклору как к «русскому сувениру». Кому, как не Дмитрию Покровскому, размышлять о национальном искусстве? Первый вопрос ему напрашивается сам собой:

— Когда вы создавали ансамбль, имели ли в виду идею спасения русской народной культуры, столь актуальную сегодня?

— По-моему, русская национальная культура вовсе не умирает, она существует и развивается. И говорить о том, что ее надо возрождать, — это, пожалуй, неточно. Ее нужно продолжать, ведь она развивается, она живет. И этим занимается достаточно много людей — писателей, художников, композиторов. Кстати, скорее придворная, элитарная, а не крестьянская, как принято думать, русская культура понесла наибольшие потери за послереволюционный период.

Меня интересовала традиционная крестьянская культура, потому что она сохранила в себе чрезвычайно интересные остатки древности, античности, эпохи молодости человечества — например, мифологическое мышление. Она не деформировалась под влиянием линейной логики, искусственно созданных человеком за последние 2 тысячи лет систем мышления. Необходимость избавиться от линейной логики — это проблема не чисто русская, это проблема человечества вообще. Современ-

ные на некую новую сторону в этом бесконечно порождающем процессе — фольклор.

— Насколько я знаю, ваши фольклорные экспедиции начались с первых же месяцев существования ансамбля. Своим интересом к тому, что «на местах» казалось уже никому не нужным в XX веке, вы стимулировали жизнь, которая едва тлеет в дальних и глухих деревнях. Наконец, год назад вы возглавили Центр традиционной культуры...

— Мы много работали в селах, областных центрах. Работали с методистами по фольклору — доказывали, убеждали. Кстати, они, как правило, невероятные фанатики фольклора, но при этом не понимают, что надо делать; просто им спустили из министерства указание, дескать, надо развивать фольклор. Унификация — жуткая вещь, она царит всюду, в Нью-Йорке тоже, кстати. Унификация порождает восприятие культуры как внешних атрибутов.

В каждом месте, куда мы приезжаем, в каждой глухой деревеньке мы ищем человека, для которого трудности убогого житья в советской современной деревне не заслонили ценности жизни. Такой человек и есть неформальный лидер, вокруг которого люди собираются, согреваются. И мы реально помогаем таким неформальным лидерам, а также народным мастерам, художникам, певцам, причем именно материально помогаем — дабы защитить их от сувенирного бума, который сейчас идет, от экономических ошибок и сложностей. Вы, наверное, знаете, когда разрешили индивидуальную трудовую деятельность, то налог установили не с реально получаемого продукта, а с техники. Если вы имеете ткацкий стан, то налог платите с гипотетически произведенного на нем товара. И тот, кто собирает штамповать что-то, выигрывает. Ведь он пла-

что-то передали, и человек другой национальности взял и задел — но вот как — это уже дело его культуры и его традиций. У нас установились теснейшие связи с фольклористами Эстонии, Грузии, Литвы. Затем шведы и американцы заинтересовались нашей работой и стали приезжать к нам учиться. Мы передавали им свой опыт, свой подход, суть которого состоит прежде всего в уважении к человеку, живущему в деревне и являющемуся художником. Эта концепция, переданная тем, кто хотел ее воспринять, дала сразу очень большие результаты, кстати, не только в США, Швеции, но, слава Богу, и в нашей стране. Возникло большое количество похожих на нас коллективов...

Меня это, кстати, иногда пугает. Любая попытка канонизировать форму, даже новую, — это попытка сохранить мертвое. И прав будет тот, кого мы породили, но кто убьет нас. Что было бы, если бы Стравинский не смог отрицать Римского-Корсакова, своего учителя, а стал бы просто писать «под Римского-Корсакова»? Художник ценен своим собственным взглядом на вещи, и где начинается тиражирование, там кончается культура, а часто и нравственность.

Когда Шостакович каялся, когда Прокофьев заставляли каяться, не случайно именно тогдашний руководитель хора имени Пятницкого был единственным, кто выступил с прямым призывом их уничтожить. К тому времени хор Пятницкого из истинно народного вырос в образец типично псевдонродного. Для меня очень важно, чтобы разделяли хор Пятницкого при жизни его основателя и в последующие периоды.

— Вы уже сказали о фольклорных экспедициях, о вашем отношении к понятию «национальное». Но были, очевидно, и какие-то новые эстетические принципы, из которых вы исходили в своем творчестве?

— Ансамбль был создан как лаборатория. Я собирался изучить технологический пение, с которым столкнулся в народной среде, понять, что это за диковатое на первый взгляд явление...

— Почему диковатое?

— Оно фантастически действует на человека, его эмоции. Это пение я полюбил сразу, как только услышал. Но было впечатление шока. Мы и хотели прежде всего передать другим этот шок.

Мы выстраивали свой ансамбль в соответствии со структурой аналогичных групп в народе. Кстати, углубляясь в суть фольклорного искусства, мы поняли, что не может человек петь, не двигаясь. Не может голова быть отделенной от всего остального в человеке и петь сама по себе — отсюда мы пришли к идее органичности, одновременности пения и движения, а я лично — к вопросу о том, почему человек в современном мире постоянно подавляет в себе естественную потребность пения и как это влияет на жизнь социума. Пора, наверное, переставать бороться и начинать жить. Но по-прежнему нет композиторов, которые бы естественно воспринимали народную культуру как свою. (Был единственный проблес — Башлачев, да и тот погиб.) Мы ходим по улицам с флагами, но нельзя затягивать этот процесс. Давайте жить нормально в своих домах и строить дома, а не разрушать.

Беседу вел

Лариса МИХАЙЛОВА

ВАКЦИНА ОТ СТЕРЕОТИПОВ

Дмитрий ПОКРОВСКИЙ о фольклоре и рок-музыке, о традиционной культуре и авангарде...

Мир весь разрезан, поделен, механизирован, напичкан условностями. Сейчас хорошее время, потому что мы от очень многих условностей освободились и не успели еще придумать новые. Ясно, что скоро мы опять начнем создавать стереотипы, но, может быть, более подходящие к жизни, чем предыдущие... Так вот крестьянская система мировосприятия интересна тем, что в ней словно бы вакцина против стереотипов, она их убивает все время.

— И это происходит, несмотря на то, что из века в век фольклорные действия разворачиваются по одной и той же схеме!

— Более того, они происходят по одной и той же схеме у разных народов, иногда очень далеких друг от друга. Если вы начинаете отделять народ от этой среды, то либо люди сходят с ума, либо умирают, либо умирают. Но четко надо разделять: что действительно присуще народу (малому или гигантскому — не важно), а что навязано просто временными условиями, а потом канонизировано.

— Я знаю, вы дружите и работаете с музыкантами-джазистами и музыкантами-авангардистами. Но фольклор — это самое древнее, а авангард — самое новое. Где же точка пересечения?

— Отличительная черта авангарда — отрицание стереотипов. Авангард всегда сталкивается с необходимостью искать свою технологию, создавать свою концепцию. И он их, как правило, берет из прародины искусства — фольклора. На самом деле сегодня авангардом в нашей стране называется искусство 60-х! Как ни парадоксально, авангардисты стали уже классиками. Какой Шнитке сегодня авангардист? Это просто великий композитор конца XX века. А если взять живопись — Малевич, Кандинский, Филонов — они тоже классики. И на выставках этих художников в Москве можно было заметить, какое гигантское влияние на них оказал фольклор! ведь каждый из них прошел период увлечения народным искусством. Это же можно сказать о Хлебникове, Маяковском...

Авангард никогда не вырастает на пустом месте. Начальный этап рок-музыки абсолютно фольклорен. «Битлз» — ансамбль фольклора, можно доказать, что эти музыканты очень национальны. Элвис Пресли — это обращение к музыке черных, к пластике черных, только не к мелодиям, а к манере пения, поведению, движения. Просто каждое новое поколение обращает вни-

тание, но имеет и прибыль. Старушка, которая имеет у себя древний ткацкий стан и временами тклет какие-то коврики, дико проигрывает, потому что платит столько же, сколько «штамповщик». Мне известно много случаев уничтожения уникальной народной техники, когда жгут ткацкие станы, ломают гончарные круги.

— Ваш ансамбль оказался в некоторой мере на острие того спора, который разгорелся вокруг национальных проблем. Некоторые убеждены: чтобы сохранить русскую культуру — надо огрести ее от других культур, очистить от влияния других национальностей...

— Вот вам пример на тему: «русское — не русское». Когда мы первый раз вышли на сцену (это было не в Москве), и начали петь — зал хохотал. Сейчас люди, правда, уже привыкли к такому звуку, который пятнадцать лет назад вызывал недоумение. А когда мы впервые заехали в Москву (это был конкурс артистов эстрады), то наши друзья, сидевшие в зале, слышали такие разговоры: «О, интересно как поют — грузины ведь, музыка грузинская» (это потому, что многоголосье). — «Да какая же грузинская? Вроде они не похожи на грузин, похожи на русских». — «Ну и что ж, грузины, они разные бывают». Это неизживаемо: русское — когда большая балалайка или голубой кокошник с искусственным жемчугом.

Тем, кто себя выдает за патриотов, а на самом деле хочет культуру распилить на куски, непонятно, что культура — это синтез духовных поисков человечества, а не обособленные по национальному признаку зоны. Ну что ж, давайте откажемся от Рахманинова, потому что он молдаванин, забудем Балакирева — он татарин, Бородин — он грузин. Давайте всех их выбросим из русской культуры! Нет. Так не может рассуждать интеллигентный человек, который знает, что специфика России в том, что она всегда была конгломератом. Русский народ — это осознавшие себя русскими потомки древних славян, татар, немцев. Достаточно большая часть русского населения имеет не славянское, а финноугорское происхождение. Ну и что? Как взять и разрезать себя?

— Два года назад вы выступали вместе с Полом Винтером, недавно вернулись с гастролем по американской провинции. Похоже, межнациональное сотрудничество вообще входит в вашу концепцию!

— В фольклоре так по телевизору